

Ластовка. ...Собрал Е. Гребенка... Сватанье. Малороссийская опера в трех действиях. Сочинение Основьяненка

Собрание сочинений в девяти томах
М., "Художественная литература", 1979
Том четвертый. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 - март 1842
OCR Бычков М.Н. mailto:bnm@lib.ru

ЛАСТОВКА. Сочинения на малороссийском языке. Гг. Л. Боровиковского, Е. Гребенки, Грицька Основьяненка, В. Забелы, И. Котляревского, Кореницкого, П. Кулеша, Мартавицкого, П. Писаревского, А. Чужбинского, Т. Шевченка, С. Шерепери и других. Повести и рассказы, некоторые народные малороссийские песни, поговорки, пословицы, стихотворения и сказки. Собрал Е. Гребенка. Санкт-Петербург. Издание книгопродавца Василья Полякова. 1841. В 16-ю д. л. 382 стр.

СВАТАНЬЕ. Малороссийская опера в трех действиях. Сочинение Основьяненка. Издание второе. Харьков. Печатано в Университетской типографии. 1840. В 8-ю д. л. 156 стр.

Несмотря на разность этих двух книжек, из которых одна - альманах, а другая - водевиль, несправедливо названный оперою, - мы соединяем их в одну статью, находя между ими то общее, о котором особенно хочется нам поговорить: обе они писаны на малороссийском наречии. Предстоит важный вопрос: есть ли на свете малороссийский язык, или это только областное наречие? Из решения этого вопроса вытекает другой: может ли существовать малороссийская литература и должны ли наши литераторы из малороссиян писать по-малороссийски?

Что до первого вопроса, на него можно отвечать и да и нет. Малороссийский язык действительно существовал во времена самобытности Малороссии и существует теперь - в памятниках народной поэзии тех славных времен. Но это еще не значит, чтоб у малороссиян была литература: народная поэзия еще не составляет литературы. Тем не менее памятники народной поэзии драгоценны, и сохранение их похвально. Малороссия - страна поэтическая и оригинальная в высшей степени. Малороссияне одарены неподражаемым юмором; в жизни их простого народа так много человеческого, благородного. Тут имеют место все чувства, которыми высока натура человеческая. Любовь составляет основную стихию жизни. Прибавьте к этому азиатское рыцарство, известное под именем удалого казачества; вспомните тревожную жизнь Малороссии, ее борьбу с католическою Польшею, и басурманским Крымом и Турциею, - и вы согласитесь, что трудно найти более обильного источника поэзии, как малороссийская жизнь. Но не должно забывать, что Малороссия начала выходить из своего непосредственного состояния вместе с Великороссиею, со времен Петра Великого; что до тех пор какой-нибудь вельможный гетман отличался от простого казака не идеями, не образованием, но только старостию, опытностию, а иногда только богатым платьем, большими хоромами и обильною трапезою. Язык был общий, потому что идеи последнего казака были в уровень с идеями пышного гетмана. Но с Петра Великого началось разделение сословий. Дворянство, по ходу исторической необходимости, приняло русский язык и русско-европейские обычаи в образе жизни. Язык самого народа начал портиться, - и теперь чистый малороссийский язык находится преимущественно в одних книгах. Следовательно, мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорусское, сибирское и другие, подобные им областные наречия {1}.

Теперь очень легко решается и второй вопрос: должно ли и можно ли писать по-малороссийски? Обыкновенно пишут для публики, а под "публикою" разумеется класс общества, для которого чтение есть род постоянного занятия, есть некоторого рода необходимость. Поэтому в состав публики может войти и гостинодворский сиделец, даже с бородкою, и - если хотите - деревенский мужичок; но все-таки это будет исключением: собственно публика состоит из высших, образованнейших слоев общества. Поэзия есть идеализирование действительной жизни: чью же жизнь будут идеализировать наши малороссийские поэты? - Высшего общества Малороссии? Но жизнь этого общества переросла малороссийский язык, оставшийся в устах одного простого народа, - и это общество выражает свои чувства и понятия не на малороссийском, а на русском и даже французском языках. И какая разница, в этом случае, между малороссийским наречием и русским языком! Русский романист может вывести в своем романе людей всех сословий и каждого заставит говорить своим языком: образованного человека языком образованных людей, купца по-купчески, солдата по-солдатски, мужика по-мужицки. А малороссийское наречие одно и то же для всех сословий - крестьянское. Поэтому наши малороссийские литераторы и поэты пишут повести всегда из простого быта и знакомят нас только с Марусями, Одарками, Прокипали, Кандзюбами, Стецьками и тому подобными особами. Где жизнь, там и поэзия: следовательно, и в простом быту есть поэзия? Правда; но для этой поэзии нужны слишком огромные таланты. Мужичья жизнь сама по себе мало интересна для образованного человека: следовательно, нужно много таланта, чтоб идеализировать ее до поэзии. Это дело какого-нибудь Гоголя, который в малороссийском быте умел найти общее и человеческое, в простом быту умел подстеречь и уловить играние солнечного луча поэзии; в ограниченном кругу умел подсмотреть разнообразие страстей, положений, характеров. Но это потому, что для творческого таланта Гоголя существуют не одни нарубки и дывчата, не одни Афанасии Ивановичи с Пульхериями Ивановнами, но и Тарас Бульба с своими могучими сынами; не одни